

901(092)
X-17

Н.А.ХАЛФИН. Е.Ф.РАССАДИНА

Н.В.ХАНЫКОВ-

*востоковед
и дипломат*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

901(092)

X-17

+op 8

+op 91

Н. А. ХАЛФИН, Е. Ф. РАССАДИНА

Н. В. ХАНЫКОВ—
востоковед
и дипломат

804438

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. Н. КРУСОВОЙ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

ОРЕНБУРГ, КАЗАХСТАН, БУХАРА, 1839—1842

Каковы бы ни были догадки о внутренних пружинах «перемещения» Николая Владимировича Ханыкова на далекую азиатскую окраину, не приходится сомневаться, что в этом переводе нашли отражение не только личные интересы, но и государственные.

Со времени своего основания в 30—40-х годах XVIII в. и до 60-х годов XIX в. Оренбург являлся военно-административным, политическим и экономическим форпостом Российской империи на Востоке. Он утратил это свое значение лишь после создания Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. В ведение оренбургских властей входило административное руководство казахскими жузами (или «ордами», по терминологии тех лет); через Оренбург осуществлялись дипломатические связи со среднеазиатскими ханствами. Царское министерство иностранных дел имело для этих целей своеобразный «филиал» — Оренбургскую пограничную комиссию, в которой служили, как правило, опытные чиновники — знатоки местных политических хитросплетений, владевшие языками народов Востока. Характерным примером может служить Григорий Федорович Генс, долголетний председатель Пограничной комиссии.

Сосредоточение в Оренбурге большого количества лиц, занимавшихся изучением соседних стран и практическим осуществлением царской политики в Азии, обусловило превращение города в один из центров отечественной ориенталистики.

Оренбург играл существенную роль и в развитии торговых отношений с азиатскими странами. Эти отношения были взаимовыгодны и чрезвычайно перспективны, поскольку происходивший обмен товарами имел немалое значение для всех участвовавших в нем сторон и достигал, несмотря на некоторые специфические трудности¹, существенных размеров. Оренбургская таможня не случайно была одним из крупнейших учреждений подобного рода в России, а на местном Меновом дворе бывали представители не только Казахстана или соседних ханств Средней Азии, но и далеких государств — Афганистана, Персии, Китая и др.

Важность Оренбурга как опорного пункта внешнеполитической деятельности и торговли Российской империи в Азии стала

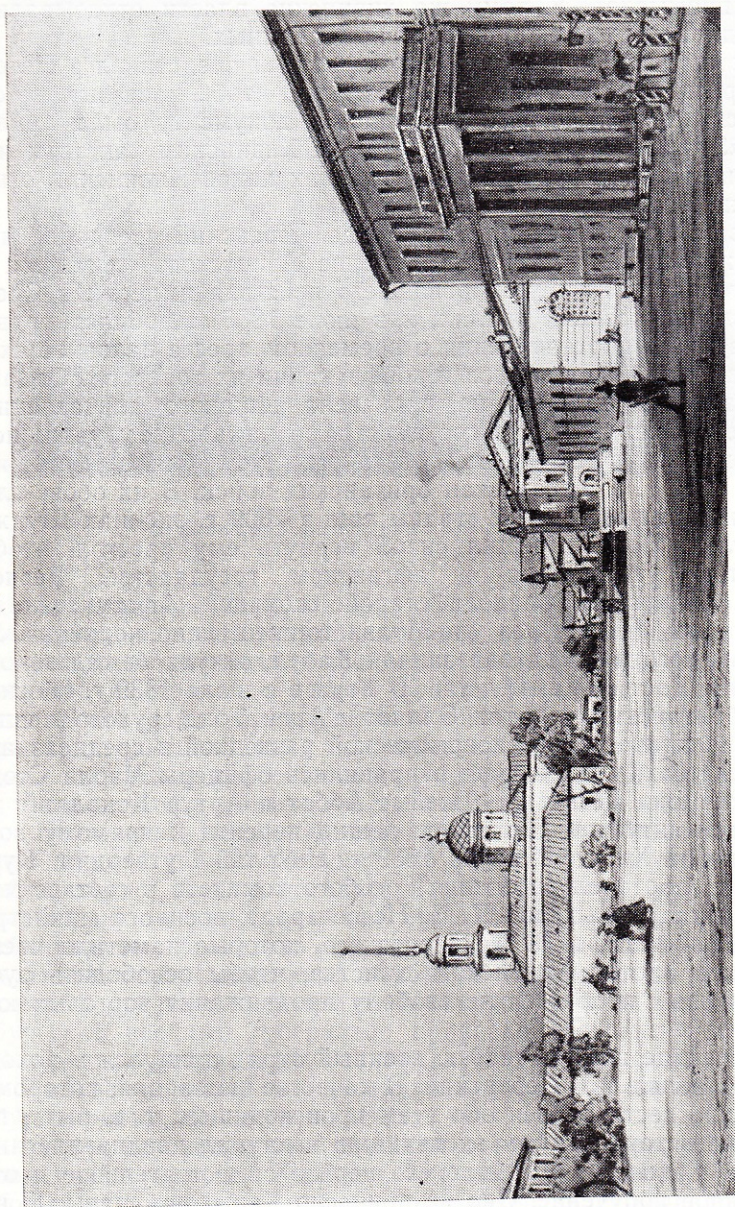
особенно возрастать в первой половине XIX в. в связи с активизацией английской экспансии в Северной Индии и соседних с ней странах. Среднеазиатские ханства стали объектом внимательного изучения со стороны британских военно-политических кругов. На их рынки хлынул поток товаров из Англии, заметно потеснивших изделия более слабой и менее развитой промышленности России².

Складывавшаяся обстановка диктовала царскому правительству необходимость принятия энергичных мер, чтобы помешать успехам опасного и настойчивого соперника. На ответственный пост оренбургского военного губернатора был назначен Василий Алексеевич Перовский.

Относительно молодой (он родился 9 февраля 1795 г.) генерал-майор и флигель-адъютант, В. А. Перовский был приближенным, доверенным лицом Николая I и практически являлся полновластным хозяином на азиатской окраине. Укрепление положения России в этой части Азии — такова была основная задача, к осуществлению которой Перовский и приступил с присущей ему целеустремленностью. Суровый и жесткий (а порой и жестокий) администратор, он вместе с тем был очень образованным человеком и находился в дружеских отношениях со многими видными политическими и культурными деятелями своей эпохи, в частности с поэтом В. А. Жуковским. Перовский содействовал известной поездке А. С. Пушкина по Оренбургской губернии (1833 г.) для сбора материалов по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. Он любил играть роль мецената и окружал себя талантливыми людьми. Среди них можно назвать знаменитого в будущем лексикографа В. И. Даля, дипломата и писателя Е. П. Ковалевского, ученого и путешественника П. А. Чихачева, композитора А. А. Алябьева и др. Чиновником особых поручений при Перовском был Яков Владимирович Ханыков, которого губернатор очень уважал и высоко ценил³.

В этой среде начал практическую и научную деятельность на Востоке младший брат Якова — Николай Ханыков. Он попал в Оренбург, когда там царила очень напряженная обстановка. На протяжении почти всей первой трети XIX в. попыткам России расширить торговые связи со Средней Азией противодействовали правящие круги Хивы. Хивинские ханы (особенно властный и волевой Сеид Мухаммед Рахим-хан) стремились контролировать русско-среднеазиатскую торговлю, взимали незаконную грабительскую пошлину с караванов с товарами, следовавших из Оренбурга в Бухару и из Бухары в Оренбург. Часто эти караваны подвергались нападению и расхищению.

Кроме того, Хива претендовала на господство среди казахских племен, принявших российское подданство. Ее действия наносили серьезный ущерб экономическим связям, товарообмену между казахами и российским населением восточных областей.

Оренбург 40-х годов XIX в. Худ. А. Чернышев

Последнее обстоятельство таило в себе серьезную угрозу для жителей Оренбургской и соседних губерний, которые получали из Казахстана не только продукты питания, но и сырье для своих промыслов. К тому же хивинские власти отказывались освободить невольников — русских подданных.

Поэтому еще в 1834 г. В. А. Перовский представил в Петербург проект оказания давления на Хиву, чтобы заставить ее отказаться от враждебных действий. К документу была приложена «Записка о сношениях России с Хивинским ханством и о противных народным правам поступках ханов Хивинских относительно России»⁴.

Проект реализован не был. Тогда Перовский преодолел при поддержке Николая I сопротивление Азиатского комитета — высшего органа, координировавшего действия империи в Средней Азии и соседних землях, и в июне 1836 г. добился правительственного постановления о временном аресте находившихся в России хивинских купцов и конфискации их товаров⁵. Однако на хана Хивы эта мера не произвела никакого впечатления. Отношения между двумя государствами нимало не улучшились.

Сложность политической обстановки усугублялась вторжением в 1838 г. в Афганистан британских войск. В их обозе следовал изгнанный из этой страны еще в 1809 г. экс-шах Шуджа уль-Мульк. Лондон решил силой вернуть ему престол, чтобы полностью утвердиться в афганском государстве. Весной 1839 г. англичане овладели старой столицей Афганистана — Кандагаром, где Шуджа уль-Мульк торжественно короновался, а осенью того же года они заняли Кабул, откуда бежал законный эмир Дост Мухаммед-хан. В Герате с июля 1839 г. обосновался британский капитан Эллиот д'Арси Тодд, руководивший военно-политической и экономической разведкой в среднеазиатских ханствах, куда вскоре отправились офицеры Чарлз Стодарт, Ричмонд Шекспир, Джеймс Аббот и Артур Конолли.

В этой ситуации Петербург решил перейти к прямому воздействию на Хиву. 12 марта 1839 г. Николай I утвердил Журнал (т. е. протокол заседания) особого комитета в составе министра иностранных дел К. В. Нессельроде, военного министра А. И. Чернышева и В. А. Перовского, которые наметили военный поход против Хивинского ханства, чтобы освободить русских пленных и обеспечить свободу продвижения торговых караванов.

В середине ноября 1839 г. военный отряд двинулся в поход. Его возглавлял сам Перовский. В качестве чиновника, которому надлежало вести записи обо всем происходящем, т. е. быть, по существу, историографом экспедиции, выступал двадцатилетний Николай Ханыков. Это было его первое самостоятельное и ответственное поручение. Оно не принесло Ханыкову славы. И не по его вине... Поход огромного для тех мест и по тем масштабам четырехтысячного отряда пехоты с двенадцатью пушками и

В Хивинской экспедиции 1839 г. Худ. В. Штернберг

десятитысячным верблюжьим обозом зимой, практически по бездорожью, при отсутствии хорошо подготовленных промежуточных пунктов, запаса продовольствия, фуража, топлива был обречен на провал с самого начала. Несмотря на самые крутые меры, какие предпринимал военный губернатор для поддержания дисциплины и продвижения вперед, отряд свыше месяца добирался до Эмбенского укрепления. Еще 40 дней понадобилось, чтобы достичь Ак-Булака, или Чушка-куль.

Но и за эти весьма относительные успехи Перовский заплатил дорогой ценой. Большинство участников экспедиции было обморожено, немало погибло; к этому времени пало до 7 тыс. верблюдов, основной тягловой силы. В пору было поворачивать обратно, тем более что в дальнейшем надлежало преодолеть плато Устюрт, занесенное глубоким снегом, а до Хивинского ханства предстояло еще идти и идти. Учитывая все это, оренбургский военный губернатор приказал возвращаться домой. В середине февраля 1840 г. поредевшее войско снова оказалось в Эмбенском укреплении, откуда весной направилось в Оренбург, прибыв туда в июне 1840 г.

У нас нет подробных сведений о том, как вел себя в тяжелом походе молодой Ханыков. Этот период его жизни не нашел более или менее подробного отражения в материалах, с которыми мы ознакомились. Сохранились лишь два рисунка периода Хивинской экспедиции. Нельзя утверждать, однако, что

участие в экспедиции было для Николая Владимировича бесцельной потерей времени. В тяжелейших условиях он проверил и закалил свой характер, тем более что впереди предстояло немало испытаний — и физических и моральных. Он сразу окунулся в «восточную» среду, тесных связей с которой не прерывал в течение всей последующей жизни. Близкое соприкосновение с казахами, их языком, бытом и нравами в дальнейшем будет дополняться детальным знакомством с другими народами Азии — узбеками, таджиками, персами, афганцами, индийцами, жителями Кавказа и Закавказья.

Не меньшее значение имело, естественно, и сближение со многими выдающимися представителями отечественной науки и культуры, находившимися в это время в Оренбурге. Дружба с некоторыми из них, в частности с В. И. Далем, продолжалась в течение долгих лет после хивинского похода.

Почти до последних дней своей жизни Ханыков вспоминал самые различные перипетии этого похода, перед его глазами возникали отдельные эпизоды, тягостные картины. Так, в письме 1868 г. к В. И. Далу Н. В. Ханыков называет себя Далевым «со-кочевником», отмечая, что «много воды утекло» с тех пор, как они мерзли «в одной юламе» (т. е. кибитке, палатке)⁶. А еще через десять лет, за два месяца до кончины, 1 сентября 1878 г., он поведаль издателю журнала «Русский архив» П. И. Бартеневу трагическую историю о солдате-«зырянине». Забитый и темный, этот солдат с перепугу ночью бежал с поста, был предан «в назидание» военному суду, приговорен к расстрелу и похоронен чуть ли не заживо⁷. С тех пор прошло сорок лет, а впечатление от первой серьезной экспедиции все еще вызывало у Ханыкова живые и глубокие воспоминания.

Участие в Хивинском походе имело немаловажное значение для служебной биографии Н. В. Ханыкова: он был «замечен» всесильным В. А. Перовским, который настойчиво выдвигал способных людей, порой не считаясь с мнением Петербурга. В данном случае это очень скоро проявилось на деле.

...Хотя военный отряд оренбургского губернатора и не достиг Хивы, поход отнюдь не оказался бесполезным с точки зрения царской политики в Средней Азии. Напуганные возможным вторжением, ханские власти освободили многих русских пленников и обещали содействовать безопасному движению караванов, тем более что разрыв торговых связей с северным соседом тяжело отражался на экономике Хивы. Перовский, в свою очередь, сообщил, что не видит оснований для задержки хивинских купцов.

Все это создало благоприятные предпосылки для отправки в среднеазиатские государства дипломатических миссий. Посольство в Хивинское ханство П. Никифорова, которого сменил после его смерти Г. Данилевский, не связано с нашей темой, но миссия в Бухарское ханство во главе с горным инже-

нером Константином Федоровичем Бутеневым имеет к ней непосредственное отношение.

Поездка К. Ф. Бутенева в Бухару была вызвана приездом 3 августа 1840 г. в Оренбург знатного придворного Мукимбака Мухаммед Сеидова с большой свитой. По словам беседовавшего с Сеидовым председателя Оренбургской пограничной комиссии, эмир Насрулла поручил посланнику: «1. Ходатайствовать о защите Бухарии от англичан, грозящих ей завоеванием. 2. Просить содействия для обуздания хивинцев, которые постоянно грабят караваны и ныне, войдя в сношения с англичанами, начинают явно враждовать противу Бухарии. 3. В случае невозможности для России наказать хивинцев вооруженной рукой — дозволить эмиру быть посредником для размена пленных и утверждения дружественных сношений, которые бы обеспечили торговлю, могущую иначе прийти в совершенный упадок»⁸.

18 октября 1840 г. представители эмира Насруллы прибыли в Петербург. Их принимали руководители министерства иностранных дел и сам царь, что придавало особое значение этой миссии. Продолжение переговоров входило в функции К. Ф. Бутенева и его сотрудников. Назначение горного инженера руководителем посольства соответствовало пожеланию эмира о содействии в поисках драгоценных металлов. Кроме того, члены миссии должны были собрать сведения о ханстве и добиться заключения договора о дружественных отношениях между Бухарой и Россией⁹.

Вместе с Бутеневым отправлялись натуралист А. А. Леман, горный офицер Богословский, топографы Яковлев, Чалпанов и Петров, знакомый с восточными языками зауряд-хорунжий Петров, а также препараторы, штейгеры и горнорабочие с золотушских заводов¹⁰.

Таким был состав посольства. Оренбургскому правителю он показался не совсем удовлетворительным. 21 апреля 1841 г. Перовский написал Нессельроде, что узнал об изменении статуса Бутенева. Поскольку тот «отправляется в Бухару уже не в качестве горного инженера, — указывал губернатор, — но как признанный дипломатический агент России, я счел необходимым придать ему в помощники чиновника, близко знакомого с характером бухарцев и с выгодами и потребностями России в Средней Азии»¹¹.

Таким «знатоком местных племен» Перовский считал Николая Ханыкова. Напомним, что между откомандированием Ханыкова в Оренбург и подобной аттестацией прошло всего два года. Правда, за это время будущий востоковед прошел тяжелейшее испытание — Хивинский поход. Высоко оценивая способности своего подчиненного и настаивая на его включении в состав посольства, губернатор подчеркивал: «Продолжительное занятие последним предметом (т. е. „выгодами и потре-

ностями России в Средней Азии".— Авт.) и, сверх того, практическое знание персидского языка содействуют состоящего в Азиатском департаменте министерства иностранных дел титулярного советника¹² Ханыкова наиболее способным к исполнению вышесказанной обязанности, почему, предписав ему готовиться к отправлению, я имею честь испрашивать на это разрешения вашего сиятельства».

Перовский добавлял, что средства на поездку Ханыкова могут быть заимствованы из экстраординарной суммы, ассигнованной на отправку дипломатических представителей в Бухарское и Хивинское ханства¹³.

На следующий день губернатор отправил письмо непосредственному начальнику Н. В. Ханыкова — директору Азиатского департамента Л. Г. Сеньявину, — в котором еще более категорически сообщал о своем решении расширить состав отъезжающей в Бухару миссии. Он подчеркнул, что считает участие в ней Ханыкова «совершенно необходимым», поскольку Бутенев «мало знаком и с географией Средней Азии, и с характером жителей ее, в особенности бухарцев», и не успеет пополнить свои знания из-за краткости срока, оставшегося до выступления в путь. И далее следовала знаменательная фраза: «Надеясь не встретить в этом случае препятствия со стороны министерства, я решился отправить Ханыкова даже до получения из Петербурга ответа, если последний по какому-либо случаю не придет до отхода миссий»¹⁴.

Перовский разъяснял Сеньявину и способ покрытия непредусмотренных расходов: «Без сомнения, что весьма полезно было бы хотя часть содержания, определенного Ханыкову, ассигновать из Государственного казначейства, но если на это представится затруднение, то можно будет покрыть издержки из сумм, уже назначенных для снаряжения миссий...»¹⁵.

«Затруднений» финансового порядка не «представилось», как не возникли трудности и какого-нибудь иного плана: авторитет генерал-адъютанта В. А. Перовского был достаточно высок, и министерство приняло все предложения относительно находящегося в его штате своего чиновника. Так Николай Ханыков, которому в период этой переписки не исполнилось еще и двадцати двух лет, стал вторым лицом в посольстве, помощником его руководителя (в наши дни сказали бы — заместителем).

3 мая 1841 г. К. Ф. Бутенев со своими спутниками двинулся из Оренбурга на юг. Первая часть пути была проделана совместно с миссией П. Никифорова, направлявшейся в Хиву. Оба посольства находились под охраной специального конвойного отряда под командованием подполковника И. Ф. Бларамберга. 12 июля дипломаты переправились через Сырдарью, 15 июля оказались перед Кувандарьей, где их пути разошлись.

К началу августа группа Бутенева добралась до Бухарского

ханства и почти сразу же, 5 августа, была принята эмиром Насруллой. Такое начало, лишенное всевозможных споров по церемониальным вопросам, которые обычно отнимали немало времени у предшествовавших миссий, внушало надежды на достижение быстрого успеха в переговорах. Николай Ханыков в силу сложившихся обстоятельств выдвинулся на передний план во всех действиях посольства: по распоряжению Перовского К. Ф. Бутеневу разрешалось вступать в контакт с бухарцами, кроме самого эмира, лишь при посредстве Ханыкова. Это должно было поднять престиж посла. К тому же он не владел восточными языками и не склонен был доверять эмирским толмачам. Бухарские власти, в свою очередь, не очень доверяли чужеземным дипломатам.

6 августа Бутенев отправил Ханыкова к главному визирю для вручения писем и подарков. Поскольку важной целью экспедиции являлись поиски полезных ископаемых, Насрулла, как сообщал Перовский Нессельроде 14 октября 1841 г., «прислал своего медика для совещания о начале золотых разведок. По предварительному условию их предположено было начать с горы Нукат, лежащей к северо-востоку от Бухары, но впоследствии эмир приказал отправить гг. Лемана и Богословского для розысканий прямо в Самарканд и Карши, что и исполнено 25 августа»¹⁶.

Но Леман и Богословский направились в эти интереснейшие города ханства не одни. Ссылаясь на необходимость «поднесения подарков» местным правителям, их сопровождал Ханыков; с большим вниманием и старательностью он собирал материал о всем виденном и слышанном во время поездок по городам и селениям.

Положение в ханстве было не из простых. В силу самых различных (и далеко не всегда необоснованных) предположений бухарцы опасались проявлений излишнего внимания более мощных держав к их стране. Как раз во время посещения Бухары русской миссией там находились под арестом по обвинению в шпионаже британские офицеры Стоддарт и Конолли. По просьбе Лондона царское правительство дало специальное указание К. Ф. Бутеневу ходатайствовать об их освобождении. Забегая вперед, отметим, что его ходатайство было отклонено и, когда посольство из России покинуло ханство, Стоддарт и Конолли были казнены.

Насрулла с достаточной осторожностью относился и к исследователям, приглашенным им самим. Ханыкова и его коллег постоянно сопровождал в поездке юзбаши, или сотник, Рамазан, который всячески старался препятствовать сбору материалов и проведению необходимых измерений. Между тем В. А. Перовский ожидал больших результатов от отправленной экспедиции. «Восточная часть Бухары не рассмотрена еще ни одним европейцем,— писал он,— а совокупные наблюдения гг. Лемана, Бо-

гословского и Ханыкова дадут, вероятно, средства хорошо узнать ее»¹⁷.

Все названные Перовским специалисты полностью оправдали возлагавшиеся на них надежды: каждый из них поведал миру новые сведения о столь слабо изученных к тому времени землях. Богословский опубликовал обширнейшую «Записку о долине Зеравшана и горах, ее окружающих»¹⁸; Леман вскоре после возвращения из поездки скончался, но собранные им геологические, этнографические и ботанико-зоологические материалы, написанные на немецком языке, через десять лет были изданы его коллегами¹⁹.

Труды Богословского и Лемана внесли несомненный вклад в имевшиеся крайне скудные представления о Бухарском ханстве. И все же хочется отметить первостепенное значение заслуг Ханыкова в освещении характерных черт и особенностей этого среднеазиатского государства. Он глубоко вник в сущность проблем бухарского феодализма, проявил большой интерес к важнейшим социально-экономическим процессам, протекавшим в ханстве, собирая о них сведения по крупицам, в сложной обстановке. В течение почти пяти месяцев — с начала октября 1841 г. по конец февраля 1842 г. — Ханыков регулярно пять раз в день производил метеорологические наблюдения. Он проявлял максимальную изобретательность и настойчивость в исследованиях. В частности, именно Ханыков придумал предлог для поездки в восточные бекства — доставку подношений их правителям. Его несомненным преимуществом перед коллегами было знание восточных языков, что позволяло ему вступать в непосредственный контакт с местными жителями. С узбеками Николай Владимирович беседовал по-узбекски, с таджиками — по-таджикски, и ничто так не способствовало откровенности, как подобное прямое общение. Его интересовали самые различные стороны прошлого и настоящего Бухары, ее экономика, административное устройство, духовная жизнь. Это не было проявлением праздного любопытства: молодой исследователь накапливал материал для будущей книги. Впрочем о ней мы будем говорить более подробно. А сейчас необходимо вернуться к миссии Бутенева.

Вскоре после первой встречи с эмиром Насруллоей последний отправился на очередную войну с Кокандским ханством. На это время переговоры, по существу, были прерваны. Осенью 1841 г. Насрулла добился победы, посадил на престол в Коканде своего ставленника и возвратился в Бухару. Его новая встреча с К. Ф. Бутеневым состоялась лишь 8 ноября 1841 г. Находясь под воздействием успехов, связанных с распространением бухарского влияния в Средней Азии, эмир не захотел подписать предложенный ему особый акт: отпустить русских пленных, снизить таможенные пошлины на товары из России и допустить ее постоянного представителя в ханство. Он не от-

казывался от дальнейших контактов с Российской империей, заявляя, что отправит туда своего представителя, снизит пошлины, если это сделает и другая сторона, а при определенных условиях освободит пленников.

К сожалению, миссия Бутенева не была успешной. Констатируя на пути домой данное обстоятельство, Н. В. Ханыков писал 14 апреля 1842 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу: «Таким образом, кончилась наша поездка ничем, кроме того, что мы привезем нашему правительству все, что необходимо для верного обсуждения настоящего положения Бухарского ханства». Он подчеркивал необходимость тщательного наблюдения за ситуацией в этом государстве, объясняя, что Бухара может стать «несомненной добычей англичан, которые не упустят ее из рук», хотя бы для того, чтобы возместить морально-политический и экономический урон, понесенный ими в связи с провалом их планов порабощения народов Афганистана²⁰. Ханыков отмечал, что эмир Насрулла «себя считает выше всех повелителей мира»; поэтому нет смысла рассчитывать на договоренность с Бухарой, пока он сидит на троне²¹.

8 апреля 1842 г. К. Ф. Бутенев со своими спутниками покинул ханство. 9 июня того же года посольство вернулось в Оренбург. Таким образом, это путешествие продолжалось тринадцать месяцев. Ханыков привез не только материалы для подготовки книги о Бухарском ханстве. Он доставил в Петербург, а затем передал в дар Азиатскому музею бухарские, хивинские и кокандские монеты — важный источник для изучения истории и экономики среднеазиатских государств²². В дальнейшем пополнение коллекций этого крупнейшего востоковедного учреждения Российской империи стало предметом неизменной заботы и внимания ученого. Где бы он ни находился — в Тифлисе, Тавризе, Мешхеде, Герате, в самых различных областях и краях, — он помнил об интересах отечественной ориенталистики, пополняя ее материальную базу.

«В награду примерно-ревностной службы и отличного исполнения возложенного на него поручения» 15 августа 1842 г. Н. В. Ханыков был произведен в коллежские асессоры. Кроме того, «во внимание к особенным трудам» еще через два дня ему было «пожаловано... в единовременное награждение» четыреста червонцев²³. Следовательно, Петербург высоко оценил участие начинающего востоковеда в дипломатической миссии. Сам Ханыков, однако, полагал, что выполнил лишь часть своей задачи. Теперь надлежало осмыслить все виденное и слышанное, поведать об этом тем, кому не довелось провести свыше года в полузакрытой стране.